

ТОПОНИМЫ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ РАЗРЯД ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

В статье рассматривается топонимическая лексика как один из видов имён собственных, что в значительной мере, определяет структурные, функциональные и семантические параметры данной лексики. Осмыслению топонимов предшествует осмысление сущностных параметров топонимов в сопоставлении с именами нарицательными и другими разрядами имён собственных. Рассматривается сущность имени существительного и дальнейшее сравнение с ним имён собственных в целом и топонимов, в частности.

Ключевые слова: имена собственные, топонимическая лексика, структурные, функциональные и семантические параметры.

Музя Є.М. Топоніми як окремих розряд онимастичної лексики. У статті розглядається топонімічна лексика як один з видів власних назв, що в значній мірі, визначає структурні, функціональні та семантичні параметри даної лексики. Осмисленню топонімів передуює осмислення сутнісних параметрів топонімів у порівнянні з іменами загальними й іншими розрядами власних назв. Розглядається сутність іменника і подальше порівняння з ним власних назв у цілому і топонімів, зокрема.

Ключові слова: імена власні, топонімічна лексика, структурні, функціональні та семантичні параметри.

Muzja E.M. Toponyms as a separate category of onomastic lexis. The present article discusses the toponymic lexis as a kind of proper names, it massively determines the structural, functional and semantic parameters of the lexis. The understanding of the names essential parameters takes precedence over the meaningfulness of names against common names and other categories of proper names. The article considers the essence of a noun and further comparison with the proper names as a whole, and toponyms in particular.

The study shows that toponyms have all those features which are essential for common names and proper names. However, they have their own differences: a) high connection with reality, b) high percentage of adjectives in names, c) high frequency of component names. The main difference between common and proper names is a single semantic attribute, which is appropriate for proper names.

Key words: proper names, toponymic lexis, structural, functional and semantic parameters.

Изучение комплекса нерешенных вопросов касающихся семантики имени собственного, а именно топонимов, как отдельного разряда ономастической лексики является **актуальностью** данной работы. **Объектом** исследования являются имена собственные, топонимическая лексика, как отдельный разряд ономастической лексики, а также имена нарицательные. **Предметом** изучения являются функциональные, структурные и семантические параметры имен собственных и нарицательных.

Известно, что изучение частей речи берет свое начало с незапамятных времен. Так, еще на стыке первого и второго веков до нашей эры Дионисий Фракиец выделял в языке восемь частей речи: имя, глагол, причастие, член (артикль), местоимение, предлог, наречие, союз. Данное деление, несмотря на свой возраст, существует и в настоящее время.

По формулировке автора: «имя (опота) есть склоняемая часть речи, обозначающая тело (предмет) (например, камень) или вещь (например, воспитание) и высказываемая как общее, так и частное (общее – например, человек, частное – например, Сократ)» [15, 54].

В данной схеме имя имеет пять «акциденций» (термин Дионисия) (рагеромепа букв. «сопроводители», «сопутствующие»); роды, виды, образы, числа, падежи.

В современной грамматике род, число и падеж различаются и сейчас. А вот «вид» и «образ», как черты присущие именам, в грамматике Дионисия имеют своеобразные черты.

Так, в данной схеме «виды» делятся на две группы:

1. Первичные;
2. Производные, которые, имея различие в звучании, в свою очередь делятся на семь подгрупп: а) отчество, б) притяжательное имя, в) сравнительные имена, г) превосходное имя, д) ласкательное, е) отымённое, ж) глагольное.

«Образы» же делятся на три группы.

1. Простой;
2. Составной;
3. Образованный из составного [15, 54].

Таким образом видно, что в соответствии с данной схемой, имя обладает такими признаками:

1. Род.
2. Число.
3. Падеж.
4. Вид.
5. Образ.

Из деления имени существительного на лексико-грамматические разряды (1. Собственные и нарицательные, 2. Собирательные, 3. Вещественные, 4. Конкретные и отвлеченные, 5. Одушевленные и неодушевленные), для нас наиболее интересными являются имена собственные и нарицательные, так как выделив основные признаки данных имен представляется возможным выделить те признаки, которые присущи топонимам, собственно и являющимся **целью** исследования.

С целью выявления грамматических признаков свойственных конкретно именам существительным, А.Е. Супрун проводит исследование путем представления нескольких грамматических признаков. Их пятнадцать, существование слов в оппозициях рода, числа, падежа, времени, вида, лица, степеней сравнения, степени одушевленности, способность существовать с определением типа: белый – белая – белое – белые, с обстоятельствами всегда или очень, существование со словом «пять», иметь личное сказуемое, существовать со словом «все», изменяться в родительном падеже (без предлога), а также с дательным падежом (без предлога) [13, 115].

Итак, расчертив таблицу, где в крайнем левом столбце находятся грамматические признаки, а в «шапке» находятся все лексико-грамматические разряды имен, существующие в современной грамматике. Заполнив дан-

Однако, несмотря на практически полную идентичность имен собственных и имен нарицательных с грамматической точки зрения, все-таки существуют определенные различия между данными пластами лексики.

1. Больше количество признаков у имен собственных, нежели у имен нарицательных в речевой деятельности [3, 71].

2. Имена собственные не могут иметь множественного числа, с точки зрения логики [3, 224; 7, 74].

3. Отсутствие у имен собственных общих признаков [3, 233, 237].

4. Присутствие семантики имен собственных в речи, но не в языке [3, 239, 256].

Подробнее данные положения будут рассмотрены ниже.

Из всего вышесказанного можно составить схему грамматических признаков имени, и его разрядов.

Как видно, в отношении данной схемы, возможно выдвинуть ряд вопросов. Так, не ясно, с какой целью А.Е. Супрун выделяет пункт 3 (падеж) и пункт 9 (изменяется в родительном падеже), это ведь фактически одно и то же. Также пункт 1 и 4 напрямую связаны между собой.

Что касается имён собственных, то в отношении пунктов 2 и 11 целесообразно заявить, что их особенностью является наличие у них формы множественного числа, но фактически оно не изменяется по числам. Но, иногда, в стилистических целях, употребляется гиперболическое множественное число.

Как видно, данная схема не освещает всех вопросов относительно грамматических, семантических и др. признаков имени, а наоборот, показывает, что данный вопрос открыт и требует своего дальнейшего осмысления.

Топонимическая лексика представляет собой один из видов имён собственных, что в значительной мере, определяет структурные, функциональные и семантические параметры данной лексики. Осмыслению топонимов, таким образом, должно предшествовать осмысление сущностных параметров топонимов в сопоставлении с именами нарицательными и другими разрядами имён собственных. Наиболее целесообразным представляется рассмотреть сущность имени существительного для дальнейшего сравнения с ним имён собственных в целом и топонимов, в частности.

В традиционных терминах имя существительное является частью речи, которая обозначает предмет, или субстанцию и выражает это значение в словоизменительных категориях числа, падежа и категории рода [8, 460].

Считается, что имя существительное, отражает количественный показатель чего-либо. И поэтому лингвистическое изучение имени существительного следует направить на изучение того, почему именно имена существительные лучше всего отображают количественные характеристики, также следует понять сущность тех имён, которые не могут отображать количественные характеристики, а поэтому, нужно узнать какие именно из имён являются наиболее соответствующие названию имя [3, 252]. По данной проблеме работал Дж. Локк. Исследователь высказывался о том, что имена собственные больше относятся к понятию имя, нежели имена нарицательные, ибо, по его мнению, имена собственные образовались рань-

ше, чем имена нарицательные. Автор утверждает, что изначально понятие единичного человек воспринимает посредством чувств, а потом, когда мозг обрабатывает полученную данным путем информацию, эти единичные понятия получают имена. А уже только потом, обрабатывая имена, обозначающие единичное, постепенно человек начинает использовать их в качестве общих [приводится по 3, 227-228]. Считается, что имя обладает семантикой количества, она присуща всем типам имен и является основным в выделении этих типов. А те имена, которые легко показывают числовые значения, наиболее соответствуют названию имя [3, 252].

Среди отечественных ученых (Руденко Д.И.) бытует мнение, что, занимаясь многими ономастическими вопросами, следует, привлекая новый фактический материал, более глубоко и основательно разобраться в уже поставленных задачах, а в частности, углубиться в изучение общей теории имени собственного [2, 226].

Однако, относительно некоторых теорий имени собственного, нет ни лингвистической, ни логической однозначности.

С точки зрения лингвистики, одним из главных вопросов в этой области является: а) определение границ между именами собственными и нарицательными, а также б) вопрос наличия значения у имен собственных.

По первому вопросу ещё в середине XX века высказывался О. Есперсен, утверждая, что ясной границы между именами собственными и нарицательными нет, что подтверждается наличием переходных процессов, когда имя собственное может переходить в имя нарицательное, и наоборот [3, 75-77].

Данный процесс возможен только благодаря большему коннотативному значению у имени собственного, иначе же, был бы не возможен переход имени собственного в разряд нарицательного [3, 72]. Вышеупомянутый переход происходит таким образом. Объект носящий имя собственное имеет определенные характеризующие его признаки. Из этих признаков выбирается один, который может характеризовать другой предмет или объект тем же признаком. Аналогичный процесс довольно-таки часто наблюдается и с именами нарицательными. Считается, что единственной причиной данного перехода является наличие коннотативного значения, при этом разница между именами собственными и именами нарицательными приобретает не качественный, а количественный характер [3, 73].

В отношении семантики имен собственных О. Есперсен утверждал, что имена собственные имеют большее количество признаков, чем имена нарицательные [3, 70-72]. Вполне обоснованно согласиться с мнением ученого, так как образование имен собственных происходит в результате переосмысления имен нарицательных, или в результате каких-либо экстралингвистических факторов, следовательно, так как имена нарицательные семантически изначально, то можно согласиться с мнением о большей семантической имен собственных, чем нарицательных. Данный вопрос также упирается в разные подходы к решению этой проблемы. Лингвисты утверждают, что имена собственные имеют значение в речи, так как в данной ситуации присущ контекст [3, 71; 7, 25]. Во время употребления имени

собственного в речи, оно обозначает только один объект, и это прекрасно понимают все участники речевого акта, причем слушатель воспринимает именно то значение, которое подразумевает говорящий [3, 71]. С мнением О. Есперсена не согласен Стюарт Милль, который утверждает, что имена собственные всего лишь обозначают объект, но не характеризуют его. Он считает, что только имена нарицательные могут коннотировать признаки в отличие от имен собственных [3,70]. Однако, приведя примеры использования имен собственных в ситуации общения, О. Есперсен доказал, что имена собственные все таки имеют большее количество признаков нежели имена нарицательные [3, 71-72]. Также считается, что реализация смысла имени собственного возможна только в речевом контексте, так как семантика имен собственных реализуется в речи, а не в языке [7, 139]. Известно, что в отношении имен собственных применимо понятие «широкого» контекста, «исторического», «социального», «социально-культурного» [цитируется по 7,141]. Понятие, которое вкладывается в собственное имя, зависит от знаний говорящего об этом объекте, важности объекта для говорящего и слушателя, от условий знакомства говорящего с объектом [7, 143].

Однако есть еще и логико-философский подход к данной проблеме. Суть вопроса заключается в том, что имена собственные это «отдельные слова и слова в словосочетаниях, которые служат для именования индивидуальных, выделенных из данного вида объектов» [7, 122], или же в психологическом плане «имя собственное дается индивидуальному объекту, воспринимаемому как единственному в своем роде» [7, 122].

Неясным остается вопрос: если имена собственные номинируют единичные объекты, тогда у них не может быть формы множественного числа [3, 74; 7, 125]. Аналогично существует мнение, в соответствии с которым, случаи совпадения имен у разных объектов не должны расцениваться как отклонение от логики, а рассматривается как некое исключение, которое, в принципе, считается натуральным языковым явлением [7, 141-142]. О. Есперсен также высказывался по этому поводу, утверждая что форма множественного числа для имен собственных реальна [3, 75].

Из вышесказанного можно сделать выводы, что имена собственные обладают всеми теми функциональными, структурными и семантическими параметрами, что и имена нарицательные, но, несмотря на этот факт, существуют определенные отличия между данными пластами лексики. Отметим также, что хотя имена собственные являются объектом исследования большого количества работ, [1;2;3;4;5;6;7;9;10;12], в эксплицитном виде эти различия наиболее четко показаны в данных работах: [3,7]. Так,

1) В речевой деятельности имена собственные обладают большим количеством признаков, нежели имена нарицательные [3, 71].

2) С точки зрения логики, имена собственные не могут иметь множественного числа [3, 74; 7, 124], хотя иногда форма множественного числа применима к данному разряду имен.

3) Имя собственное является единичным не потому, что ему присущ какой-то особый признак, а потому что в данных именах нет общих призна-

ков (как в именах нарицательных) [7, 133, 137].

4) Семантика имен собственных выражается в речи (в контексте), но не в языке [7, 139, 156].

Положение в пункте 1 подтверждается исследованием О.Есперсена, где автор приводит в пример использование имени собственного в контексте. Ученый утверждает, что в каждом отдельном случае имя собственное имеет разное значение, которое присуще ситуации сложившейся в процессе коммуникации, и это значение будет более специфическим, нежели у имен нарицательных. Это значит, что имена собственные имеют больше признаков, чем имена нарицательные. Данное положение О.Есперсен считает неоспоримым [3, 71-72].

По поводу второго пункта следует заявить, что с точки зрения логики имя собственное не может иметь множественного числа, так как имя собственное номинирует единственный в своем роде объект, и получается, что множественное число невозможно для него [3, 74; 7, 124]. Однако, О.Есперсен выделяет четыре случая, когда имя собственное может иметь множественное число:

1. Когда несколько объектов или предметов по воле случая называются одним названием.
2. Ситуация, когда члены одной семьи имеют одинаковые фамилии.
3. Объекты эквивалентные объектам, имеющим данное имя.
4. Имена собственные используются для номинации предмета, сделанного каким либо лицом [3, 75].

В отношении третьего пункта существует мнение, что имена нарицательные характеризуют общие характеристики отдельных объектов. В отношении же имен собственных установлено, что эти имена являются единичными не потому, что единичность отражается в семантике имен собственных, а потому, что в их семантике нет общих характеристик. Предполагается, что имя присваивается объекту из-за наличия у него каких-либо случайных свойств, не являющихся частью общих характеристик [7, 233, 237]. По-видимому, эти случайные свойства и являются единичным признаком семантики имени собственного.

Пункт четыре, как видно, имеет сходные черты с пунктом один. Однако здесь речь идет не о различии в количестве признаков у имен нарицательных и имен собственных, а в наличии и реализации семантики собственных имен. Считается, что семантика имени собственно не совсем возможна в языке, а вот в речи семантика имен собственных хорошо реализуется [7, 139]. Видимо, следует согласиться с положением, утверждающим, что семантика имен собственных ориентирована главным образом не на язык, а на речь. При чем, в речи должен присутствовать «не «узкий» лингвистический контекст, а «широкий» – экстралингвистический, социально-культурный» [цитируется по 7, 156].

Таким образом, очевидно, что далеки от своего разрешения вопросы, которые решаются не одну тысячу лет. Очевидно и то, что общая теория имени собственного не разработана окончательно, и по-прежнему нуждается в глубоком исследовании.

Говоря о топонимах как об отдельном разряде ономастической лексики, следует отметить, что они ничем не отличаются от остального разряда ономастической лексики. Однако представляется возможным показать некоторые черты характерные именно данному пласту. Так:

1. Топонимические названия почти всегда связаны с реалиями, присущими данной территории, или же с социальными факторами. Возможно в фамилиях (антропонимах) также есть связь с определёнными реалиями, однако, говоря об именах (также антропонимах) и других именах собственных, то связь с реалиями, по-видимому, отсутствует.

2. Именно в топонимах наиболее высокий процент названий представленных не только именами существительными, но и другими частями речи, в частности прилагательными.

3. В соответствии с морфологическим делением топонимов на простые, сложные и составные, целесообразно предположить, что именно в топонимах наиболее высокая частотность составных названий (в антропонимике также могут встречаться составные названия – Семёнов-Тян-Шанский, Лебедев-Кумач, Салтыков-Щедрин, однако их процент не велик).

Таким образом, можно предположить, что топонимы обладают всеми теми признаками, которые присущи и именам собственным вообще и именам нарицательным. Однако от общего класса имен собственных их отличает: а) большая связь с реалиями, б) высокий процент прилагательных в названиях, в) высокая частотность составных названий. Отличие же от имен нарицательных заключается, по-видимому, в наличии у имен собственных единичного семантического признака.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики/ В.Г. Адмони. – М.– Л.: Наука, 1964. - 104 с.
2. Даниленко В.П. Ономастическое направление в грамматике/ В.П. Даниленко. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. - 347 с.
3. Есперсен О. Философия грамматики/ О.Есперсен, под. ред. проф. Б.А. Ильиша. - М.: Изд. иностр. лит., 1958. - 404 с.
4. Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: межвуз. сб. науч. тр./ Воронеж. гос. ун-т. им. Ленинского комсомола: [Редкол.: З.Д. Попова (отв. ред.), и др.]. – Воронеж.: изд-во Воронеж. ун-та, 1983. - 156 с.
5. Правдин М.Н. Логика и грамматика/ М.Н. Правдин. - М.: Высш. школа, 1973. - 62 с.
6. Психология грамматики: сб. ст./ под ред. А.А.Леонтьева, Т.В.Рябовой.- М.: Изд. Моск. ун-та, 1968. - 196 с.
7. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «Философии языка»/ Д.И. Руденко.– Х.: Основа, 1990. – 210 с.
8. Русская грамматика. Т.1. – М.: Наука, 1980. - 784 с.
9. Савченко А.П. Части речи и категории мышления/ А.П. Савченко. – Ростов н/Д : изд. Рост. ун-та, 1959. - 67с.
10. Слово в грамматике и словаре./ Ред. кол.: В.Н.Ярцева/ отв. ред./ и др. – М.: Наука, 1984. - 223 с.
11. Содержательный анализ основных языковых единиц: межвуз. сб. / Алт. гос. ун-т: [А.А.Стриженко (отв. ред.)] и др.]. – Барнаул: АГУ, 1981. - 195 с.
12. Суперанская А.В. Структура имён собственных: фонология и морфология/ А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
13. Супрун А.Е. Части речи в русском языке/ А.Е. Супрун. – М.: Просвещение, 1971. – 135 с.
14. Толстой Н.И. Опыт семантического анализа славянской географической терминологии:

автореф. ... дис. д-ра филол. наук 10.02.04 "Германские языки"/ Н.И. Толстой. – Л., 1972. – 27 с.

15. Чикобава А.С. Части речи как понятия филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа/ А.С. Чикобава// Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов : сб. ст. / отв. ред. В.М. Жирмунский , О.П. Суник . – Л.: Наука, 1968. – С. 49 – 62.

References

1. Admoni, V.G. (1964). Osnovy teorii grammatiki. – M.– L., «Nauka».
2. Danilenko, V.P. (1990). Onomasticheskoe napravlenie v grammatike. – Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta.
3. Espersen, O. (1958). Filosofiya grammatiki. Pod Red. Prof. B.A. Ilisha. M., Izd. Inostr. Lit.
4. Leksicheskie i grammaticheskie komponentyi v semantike yazykovogo znaka: Mezhvuz. sb. nauch. tr. (1983). Voronezh. gos. un-t. im. Leninskogo komsomola: [Redkol.: Z.D. Popova (otv. red.), i dr.]. – Voronezh.: izd-vo Voronezh. un-ta.
5. Pravdin, M.N. (1973). Logika i grammatika. M.
6. Psihologiya grammatiki (1968) [Sb. st.]. Pod red. A.A.Leonteva i T.V.Ryabovoy. M.; Izd. Mosk. un-ta.
7. Rudenko, D.I. (1990). Imya v paradigmah «Filosofii yazyka». – H.: Osnova. Izd-vo pri HGU.
8. Russkaya grammatika (1980). T.1. – M.: Nauka.
9. Savchenko, A.P. (1959). Chasti rechi i kategorii myshleniya. – Rostov n/D : izd. Rost. un-ta.
10. Slovo v grammatike i slovare (1984). Red. kol.: V.N.Yartseva/ otv. red./ i dr. – M.: Nauka.
11. Soderzhatelnyiy analiz osnovnyih yazykovyih edinit: Mezhvuz. sb. (1981). Alt. gos. un-t: [A.A.Strizhenko (otv. red.) i dr.]. – Barnaul: AGU.
12. Superanskaya, A.V. (1969). Struktura imYon sobstvennyih: fonologiya i morfologiya. – M.: Nauka.
13. Suprun, A.E. (1971). Chasti rechi v russkom yazyke. – M.: Prosveschenie.
14. Tolstoy, N.I. (1972). Opyit semanticheskogo analiza slavyanskoy geograficheskoy terminologii. Avtoref. ... diss. d-ra filol. nauk. L.
15. Chikobava, A.S. (1968). Chasti rechi kak ponyatiya filologicheskoy grammatiki i kak ponyatie opisatel'nogo nauchnogo analiza. In Voprosyi teorii chastey rechi. Na materiale yazykov razlichnyih tipov : Sb. st. / Otv. red. V.M. Zhirmunskiy O.P., O.P. Sunik . – L.: Nauka, 49 – 62.

Стаття надійшла до редакції 28.02.2017 р.